

В полумраке зала лишь один луч прожектора прорезал пустоту, высвечивая усталенную багряным ковром сцену.

Там, в кругу света, замерли нимфы в белоснежных одеждах. Их лица, безусловно прекрасные и холодные, казались изваяниями, пока не раздался первый звук. Тонкое, заунывное пение поплыло под сводами актового зала, заполняя каждый уголок.

Под аккомпанемент призрачных, таинственных звуков арфы из их уст полилась легенда. Женские голоса, полные невыразимой печали, выводили рефрен на забытом языке, сплетая слова в канву театрального действия.

Пока они пели, из тени легкой походкой вышла юная дева. Белый луч скользнул прочь от нимф и, не скупясь, одарил светом её одну.

В этом сиянии она казалась воплощением чистоты и грации. Её подол развевался, подобно лепесткам распускающегося цветка, а улыбка была лучезарна, как летнее утро.

Она была прекрасна настолько, что это вызывало боль.

Лица нимф, лишенных привычного обожания, мгновенно исказились. Сгрудившись в тени, они уставились на девушку. Их взгляды, полные жгучей ненависти, впивались в неё, словно невидимые шипы, оставляя на нежной коже кровоточащие раны.

Она пошатнулась и упала, воздев руки к небесам в немой мольбе о сострадании. И божественный свет действительно снизошел на неё.

Дева бережно приняла это сияние в ладони, словно драгоценный дар. Она закрыла глаза в истовой молитве, а когда распахнула их — увидела собственное отражение...

— «Проклятие Нарцисса», — Фу Лин опустил взгляд в программку, отыскав название постановки.

Огромный актовый зал, вмещавший тысячи зрителей, тонул во тьме. Лишь на сцене одинокий луч следовал за танцовщицей. Нимфы за всё время не сделали ни шагу, но сумели довести невинную красавицу до полного изнеможения своей тихой пыткой.

Из зависти посланницы богов наложили на неё то же проклятие, что когда-то сгубило Нарцисса: любить другого, но никогда не получить любви в ответ.

И девушка, подобно прекрасному юноше из легенд, без памяти влюбилась в собственную тень

в воде. День и ночь она не могла отойти от берега, пока окончательно не истаяла от тоски.

Какая печальная судьба. Какая хрупкая, вызывающая жалость героиня.

Нимфы на сцене испустили долгий вздох, оплакивая девушку в своей прощальной песне.

— Нимфы именно такие: мстительные, завистливые и невероятно искусные в притворстве, — раздался шепот над самым ухом Фу Лина. К нему склонилась фигура с копной огненно-рыжих волос, напоминавших морские водоросли. На губах незнакомки играла таинственная, ускользающая улыбка.

Её пальцы, унизанные кольцами, сжимали половинку яблока. Блэр бесцеремонно оперлась на спинку кресла Ниденаги, с хрустом откусывая плод.

Проглотив кусок, «злая ведьма» широко усмехнулась, бросив на маленького восточного дракона многозначительный взгляд.

Спутанные кудри рассыпались по её плечам. Она была увешана странными амулетами из кости и камня; рваная юбка, поношенная шаль и топ придавали ей вид лесной колдуньи, что заманивает путников в чащу.

Ведьма Блэр.

Ниденага среагировал мгновенно. Он бесцеремонно оттолкнул голову незваной гостьи подальше, наклонился к Фу Лину и, по-хозяйски обхватив его за шею, прижал к себе, словно пряча от чужих глаз редкое сокровище.

Снова оказавшись прижатым к чужой груди, юноша лишь устало вздохнул.

— Ну опять...

«Брат, ты серьезно сейчас похож на какую-то наседку в теле качка»

Фу Лин попытался выпутаться, но лишь беспомощно смял футболку Ниденаги. В итоге он только плотнее уткнулся лицом в его мышцы, чувствуя себя так, будто сам напрашивается на объятия.

Дракон, не обращая внимания на его возню, чуть подвинулся, полностью перекрывая собой обзор ведьме. Всем своим видом он выражал категорический отказ общаться.

Видя такое неприкрытое недоверие, Блэр лишь рассмеялась. Она откинулась на соседнее

кресло и расхохоталась так неистово, словно была совершенно не в своем уме. А может, так оно и было.

Растрепанные волосы, проклятия в адрес судьбы...

Она бесцеремонно закинула ногу на спинку кресла; слои её рваной юбки живописно соскользнули вниз. Блэр отвела кудри со лба, открывая глубокий, пронзительный взгляд. В её глазах, напоминавших темные лесные озера, казалось, сосредоточились все тайны мироздания.

Она смотрела на сокурсника так, будто видела его будущее, и её голос зазвучал тяжело, пророчески:

— Ниденага, ты сбежал от своего прошлого, но от судьбы не уйти. Оковы будущего затянут тебя в самый центр водоворота. Ты полюбишь, но не должен будешь принимать любовь в ответ. Мойры уже соткали твой путь.

Одно слово, прозвучавшее между фразами, осталось неразличимым — Блэр произнесла его на древнем, гортанном языке. Она выпрямилась и, небрежно перебирая пряди волос, добавила с многозначительной усмешкой:

— Считаю это моим предостережением.

Её взгляд переместился на притихшего Фу Лина. Таинственные зеленые глаза сверкнули:

— А для тебя время само приготовит лучшее вино.

— Эй, ты что забыла на моем месте?! — донесся издалека возмущенный крик вернувшегося студента.

— Ой-ой, — Блэр мгновенно присела, подхватывая сползшую с плеча шаль. — Еще свидимся!

Она махнула рукой и, ловко лавируя между рядами, скрылась в темноте. Кто-то из зрителей ворчал ей вслед, но она свирепо огрызнулась в ответ. После чего, гордо вскинув голову, словно победивший в драке петух, ведьма покинула зал.

Настоящая сумасшедшая.

Фу Лин наконец-то обрел свободу. Он жадно хватал ртом воздух; его щеки покраснелись, а на скуле отпечатались следы от крепких объятий. Потирая лицо, он угрюмо пробормотал:

— Она что... только что предсказала нам судьбу?

Ниденага, кажется, только сейчас осознал суть произошедшего.

— Это называется... навязывание услуг!

— Она даже денег не взяла, так что технически это не услуги... — Фу Лин не успел договорить, почувствовав, как тяжелые ладони снова легли ему на плечи.

Он замер, глядя в лицо друга, оказавшееся совсем рядом. В неверном свете зала черты Ниденаги казались еще более резкими и опасными, а тени в глазах — глубже.

Фу Лин невольно залюбовался. Его взгляд приковало к золотистым глазам; лишь сейчас, в такой близости, он заметил, что они подобны древнему янтарию — прозрачные и невероятно красивые.

Собеседник сжал его плечи чуть сильнее — юноше стало даже немного больно. Голос Ниденаги звучал так, будто он предостерегает ребенка от лесных чудовищ:

— Не приближайся к ведьмам. Ведьмы жадны, коварны и лживы. Они только и ждут случая, чтобы отобрать у тебя всё золото.

«А если не повезет — еще и чешую обдерут!»

Драконы всегда считались лучшим материалом для алхимии. Для магов сам дракон был куда ценнее, чем все его сокровища. Кровь, чешуя, глаза... Стоило появиться хотя бы слуху о драконе, как колдуны слетались со всех сторон. А Ниденага всю жизнь страдал от их назойливого внимания.

Он снова взглянул на Фу Лина: золотистая чешуя, изящный облик, живые, сияющие глаза... Такой экземпляр не мог не вызвать у дракона нежности. А значит, ведьмы точно за ним придут!

Ниденага мгновенно насторожился.

«Прочь, проклятые колдуньи, даже не мечтайте прибрать к рукам нашего малыша»

Ниденага выглядел искренне обеспокоенным; в его взгляде застыла меланхоличная тревога. Видя такое красивое лицо в опасной близости, Фу Лин почувствовал, как сердце предательски пропустило удар.

«Слишком близко...» — прошептал он, невольно сминая пальцами край куртки соседа.

— Но это же наша сокурсница, Блэр, она просто учится здесь, а не... — он попытался было заступиться за несправедливо обвиненную девушку.

Но Ниденага решительно встряхнул его, заставляя смотреть прямо в глаза. Фу Лин почувствовал себя пойманным цыпленком.

— Она ведьма. Самая настоящая и злая.

— ...

«Брат, ты слишком серьезно к этому относишься. Переиграл»

Фу Лин хотел было съязвить, но, увидев непритворную заботу в глазах друга, лишь вздохнул. Безнадежный случай. Он действительно в это верит.

«Обмануть его парой шуток проще простого. Видимо, если всю жизнь валить лес и не читать книг, останешься таким вот — чистым, незамутненным знаниями человеком»

«Говорят, иностранцы очень религиозны...»

Фу Лин представил себе Ниденагу — с его внешностью вожака мафии — сидящим у костра с Библией в руках и с каменным лицом читающим псалмы. Блики пламени пляшут на его суровом лице, а в золотых глазах нет ни капли тепла — словно он молча отпевает того, кого только что прикончил.

«Да это же еще страшнее!!!»

Пока «злой дракон» клеймил ведьм, он непроизвольно придвинулся еще ближе. Кончики его волос коснулись шеи друга.

— Фу Лин, — Ниденага склонил голову, ласково потерся макушкой о его плечо и едва слышно, но твердо пообещал: — Я не дам им забрать тебя.

От этих слов у Фу Лина снова екнуло сердце. Он поспешно отвернулся, пряча взгляд.

— Э... ладно, я понял! Только не прижимайся так сильно!

Это было действительно странно. Юноша попытался отстраниться, упираясь ладонями в широкие плечи Ниденаги, но тот был словно скала.

— У нас похищение людей — это преступление... Никакая ведьма меня не утащит.

Фу Лин чувствовал неловкость от собственных слов, но всё же договорил, надеясь успокоить разволновавшегося товарища. Дракон поднял голову и уставился на него так пристально, что Фу Лин залился краской и окончательно смутился.

Только тогда Ниденага медленно кивнул, и на его губах промелькнуло подобие улыбки. Взгляд его потеплел. Он нежно коснулся пальцами затылка друга.

— Фу Лин.

Когда он произносил это имя, оно звучало удивительно четко. Слово Ниденага не просто звал его, а вкладывал в эти два слога какой-то свой, особенный смысл. Понять этот смысл до конца было невозможно.

Как восточный человек, привыкший к полутонам, Фу Лин мог бы найти в этом простом обращении тысячи значений. Но он знал: лишние домыслы часто ведут к нелепым заблуждениям. Поэтому он лишь неопределенно кивнул:

— Ага, не утащит.

Он рассеянно потрепал Ниденагу по волосам, словно огромного пса, ловко обходя тему странной близости.

Неповоротливый дракон.

Впрочем, медлительность — не всегда порок. Для существ с почти бесконечной жизнью чувства, подобно благородному вину, должны созревать годами. А когда оба — долгожители, даже самый крохотный шаг навстречу начинает сиять, подобно золоту.

Приветственный вечер закончился в девятом часу. Академия, похоже, не планировала утомлять студентов утренними построениями — никаких уведомлений о начале военных сборов так и не пришло.

Поэтому Фу Лин и Ниденага после концерта решили прогуляться. Они забрели в столовую на вершине холма и купили по рожку матча-мороженого. Первый же укус на холодном ветру заставил Фу Лина вздрогнуть. Он охнул от холода, но выплюнуть лакомство было жалко, поэтому он с несчастным видом проглотил ледяной ком.

Он ел сосредоточенно, слизывая подтаявшие капли. В какой-то момент юноша покосился в сторону. Ниденага свой рожок уже прикончил и теперь созерцал придорожное дерево.

В честь праздника на мороженое действовала акция: вторая порция за полцены. Но Ниденага ведь иностранец — что он понимает в этих тонкостях? Он просто подошел к прилавку и невозмутимо потребовал скидку с каменным лицом. Продавец трусливо согласился.

Фу Лин задел его плечом:

— О чем задумался?

— ...Черника, — Ниденага ответил не сразу, продолжая гипнотизировать дерево взглядом. Он указал рукой на ветви. Как раз в этот момент налетел ветер, и дерево испуганно затрепетало листвой. — Фу Лин, там черника.

Фу Лин поднял глаза, узнал знакомые очертания и едва не закатил глаза:

— Это дерево Ди Сю, а не черника! Черника не растет на таких громадинах!

Не успел он закончить ворчание, как в глазах мелькнула тень. Ниденага с быстротой молнии подался вперед и откусил самую верхушку его мороженого. Оставив Фу Лину лишь плоский кругляш и мокрый вафельный рожок.

— НИ! ДЕ! — Фу Лин застыл в оцепенении. Он был вне себя от ярости. Медленно повернув голову, он начал чеканить слова, в которых закипал гнев: — Только попробуй сегодня вернуться в комнату!

Выдав тираду, юноша сердито запихнул остатки рожка в рот. Он шел, громко хрустя вафлей; его щеки забавно раздулись. Он чеканил шаг по плитам, а Ниденага призраком следовал за ним.

В свете фонарей высокая тень дракона ложилась впереди, и Фу Лин сердито топтал её ногами. Ниденага двигался почти бесшумно. После девяти вечера в кампусе стало тихо и безлюдно. Фу Лин одиноко шагал впереди, и только ночной ветер теребил полы его одежды. Дорога впереди тонула во тьме, но он не чувствовал страха, продолжая вымещать злость на остатках вафли.

Когда показалось здание общежития, Ниденага нагнал его и, словно не умеющий сдерживать свою силу монстр, внезапно прижал к стене. Он навис над Фу Лином, уткнувшись лицом ему в затылок, и из его горла вырвался утробный рокот.

— Фу Лин, Фу Лин... — он отчаянно терся макушкой о шею друга, а его ладони беспорядочно сжимали его талию. Теперь он напоминал огромного пса, который натворил дел и теперь всячески пытается вымолить прощение.

«Злой дракон» в панике превратился в существо, знавшее лишь одно слово — имя своего друга. Он бормотал его снова и снова, и в его голосе слышалось искреннее раскаяние.

— Вкусно было... Хотелось. Я не нарочно.

Фу Лин, прижатый к стене, даже не мог пошевелиться. Он брезгливо поморщился, мечтая отвесить «псу» подзатыльник, но в итоге лишь бессильно запустил пальцы в его волосы. Ощущение полной незащитности заставило его дышать чаще.

— Ты! Пусти! Пусти, и поговорим нормально!

Ниденага будто оглох. Он лишь крепче обхватил его руками, подаваясь всем телом вперед. Фу Лин почувствовал, как воздух в легких заканчивается, и осознал, какой пугающей силой обладает этот человек.

Маленький молодой господин в душе чертыхнулся.

— Нид! Хватит притворяться дураком, ты же не пес! Прекращай лениться и обрывать фразы! Ты же уже умеешь нормально говорить!

Ниденага, который при желании мог быть и псом, вдруг выдал:

— Гав.

Фу Лин застыл. Он не поверил своим ушам. Друг смотрел на него с самым невозмутимым видом, будто этот лай издал кто-то другой.

Драконья магия Запада была столь сложна для подражания потому, что у драконов от природы в гортани была лишняя косточка. Этот хрящ давал им преимущество — они могли воспроизвести любой звук.

Ниденага вспомнил историю об одном своем сородиче. Раненый, тот случайно забрел в дом к слепому юноше-пастуху. Дракон прикинулся овчаркой и жил у него на всем готовом, пользуясь своим талантом к звукоподражанию. Позже юноша стал мужчиной, а затем и стариком. Дракон оставался рядом с ним всю его недолгую человеческую жизнь. Возможно, боги смилостивились над стариком: на закате дней он помолодел и прозрел. Сородич Ниденаги с тех пор больше не появлялся.

Драконам не стоит водить дружбу с людьми.

Пока Фу Лин пребывал в ступоре, Ниденага снова начал ластиться. Юноше стало щекотно, и он не выдержал — прыснул от смеха.

— Стой! Нид! Нид!

Он с силой похлопал дракона по плечу. Тот нехотя отстранился и поник. Грозный хищник смиренно ждал нагоняя. Вид у него был такой: «Я всё осознал, но в следующий раз сделаю так же».

Фу Лин не смог продолжать ругань.

— Вечно ты еду изо рта вырываешь.

— Из рук, — поправил его Ниденага.

Он не забирал мороженое изо рта. То, что еще в руке — можно отобрать. Таков был закон, выпестованный годами борьбы за еду со старым драконом.

— Это же образное выражение! — Фу Лин всплеснул руками. — Я же просил тебя — учи китайский нормально!

Ниденага непонимающе склонил голову:

— Из рук... тоже нельзя? Понял.

— ...Да не совсем так!

Друзьям иногда можно подворовывать друг у друга еду. Фу Лин часто видел, как его одноклассники в шутку отнимали друг у друга сладости. Он нахмурился, словно решая сложнейшую задачу, и открыл браузер в телефоне:

— Погоди, я сейчас проверю!

Даже коренной житель запутался в тонкостях этикета. Что уж говорить о Ниденаге.

«Китайский язык... очень сложный» — почувствовал сокрушительный удар западный дракон.

Фу Лин просмотрел результаты поиска. Оказывается, кража еды — это способ укрепить дружбу!

— Значит, можно! — глаза Ниденаги радостно блеснули.

— Но китайский ты всё равно учи! — Фу Лин с важным видом кивнул. — Если завалишь экзамены в конце семестра — что будем делать?!

Ниденага лишь вздохнул.

Уровень владения китайским у него оставался загадкой. После занятий у господина Дональда он шел по кампусу в одиночестве. Суровый красавец сверлил взглядом дерево Ди Сю с таким видом, будто планирует ограбление. Если кто-то и осмеливался подойти к нему, то слышал лишь безупречный иностранный говор, из которого не понимал ни слова.

Смущенные студенты переспрашивали:

— Простите, вы говорите по-китайски?

В такие моменты учебник в руках Ниденаги оказывался как нельзя кстати. Достаточно было лишь показать обложку — и люди сами спешили ретироваться.

Фу Лин, возвращавшийся с почты с охапкой коробок, застал эту сцену. Он подошел и похлопал друга по плечу:

— Хватит на него смотреть, оно несъедобное. Ты что, серьезно проголодался?

Ниденага лишь молча выразил свой протест, но тут же забрал тяжелые посылки. Ниденага с любопытством потряс одну коробку. Она была легкой, внутри что-то постукивало. Фу Лин тут же его осадил:

— Не смей трясти мою посылку!

Когда дракон с пакетами еды вошел в комнату, Фу Лин сидел и расчесывал... голову. Потoki серебристых волос мерцали в свете лампы, струясь по его рукам. Раз, другой. Он действовал так бережно, что Ниденага невольно почувствовал укол зависти.

— Поставь еду на стол, я сейчас закончу.

Ниденага бесшумно подошел со спины. С этого ракурса стало ясно, что Фу Лин держит не настоящую голову, а манекен — обычную болванку. На ней был парик, переливающийся мягким блеском.

Дракон облегченно вздохнул. Однако то, с каким вниманием юноша расчесывал эти пряди, всё равно вызывало у него раздражение. Наконец Фу Лин отложил парик и принялся за еду, одновременно переписываясь с кем-то в телефоне.

— Это заказ. Я делаю укладку для париков, — пояснил юноша, продолжая жевать. — Раньше я занимался этим у бабушки. Через две недели — праздники, на фестивалях всегда аврал. Если тебе мешает — я уйду на балкон.

Ниденаге это совсем не мешало, но то, как Фу Лин то и дело бросал еду, чтобы погладить эту штуку, вызывало у него досаду.

У Фу Лина было множество подработок: вигмейкер, мастер по хендмейду, художник, писатель... Даже теперь, когда отец присылал ему баснословные суммы, он не бросал свое ремесло. Сроки поджимали, поэтому он совмещал работу с ужином. В какой-то момент коробка с едой оказалась в руках Ниденаги.

Фу Лин так увлекся делом, что начал просто открывать рот навстречу подносимым палочкам, даже не осознавая этого. Он весь ушел в работу: заплетал пряди, фиксировал локоны.

— Нид? — юноша обернулся. Друг держал контейнер: одну ложку себе, одну — Фу Лину.

— Хороший сын, не зря я тебя растил! — он тут же решил подшутить.

Ниденага недовольно покосился на него и отправил еду в собственный рот:

— Всё, больше не дам.

— Эй, ну ты и злопамятный! — рассмеялся Фу Лин. — Слушай, на праздники целых семь дней выходных. Будет огромный аниме-фестиваль. Если ты не занят, давай сходим вместе первого числа!

Лицо Ниденаги выразило полное недоумение.

— Это место, где можно переодеться в кого-то другого, — выдал Фу Лин краткое определение.
— Я хотел сделать косплей на папочку Сэймэя. У него еще дракон на плече!

При упоминании дракона он оживился еще больше.

— Слушай, а давай ты будешь Сусаноо! Рост идеальный, сходство будет стопроцентное. И главное — тогда у нас будет сразу два дракона! Я сделаю нам обоим такие парики — закачаешься!

И работа закипела с новой силой. Теперь добавилось еще два заказа «для своих», и Фу Лин стал еще внимательнее. В конце концов он привлек к делу Ниденагу.

Мощный мужчина примостился на табурете. Его мускулистые руки двигались плавно; он с величайшей осторожностью разбирал пряди. Эта работа была нудной, но Ниденага, казалось, привык к монотонности.

Фу Лин расчесывал волосы, но его взгляд то и дело соскальзывал на сидящего рядом друга. Тот, кто при первой встрече показался ему свирепым, на деле оказался добрым парнем.

— Ой! — юноша отвлекся и обжегся об утюжок. Не успел он осознать боль, как его руку перехватил Ниденага.

Фу Лин заворуженно смотрел, как друг склоняется над его рукой. Густые ресницы прикрывали золотистые глаза. Теплое дыхание коснулось кончиков пальцев.

— Э... пойду под холодную воду подставлю.

Он попытался высвободить руку, но Ниденага держал крепко, пока краснота не начала спадать.

— Всё в порядке. Осторожнее.

Фу Лин вернулся к работе, но теперь мысли его были далеко. Продуктивность упала до нуля.

Ночью, лежа в постели, он по привычке листал ленту в телефоне.

«Бро — это просто бро. Бро не может стать женой»

«Так что бро должен быть женой. Ой... то есть... жена должна быть бро...»

Он листал дальше.

«Мой герой, Ашура»

«Я — твой демон, рожденный в твоём аду»

— А-а-а! — Фу Лин зарылся лицом в подушку, в очередной раз проваливаясь в бездну шипперского контента. Как истинный фанат, он жадно поглощал контент.

Однако он внезапно распахнул глаза. В холодном поту он осознал ужасающую вещь: вместо героев он произвольно вспомнил лицо Ниденаги, когда тот склонился над его рукой. Каждая деталь запечатлелась в памяти.

Фу Лин перевернулся на другой бок и прикрыл глаза ладонью. В тишине комнаты отчетливо слышалось чужое дыхание. Присутствие другого человека ощущалось слишком явно. Юноша невольно представил, как сейчас лежит Ниденага. На спине? Или свернувшись калачиком?

В груди странно щемило. Он снова перевернулся, уставившись в темноту, и принялся считать овец. Когда овцы закончились, он перешел к таблице умножения.

«Один на один — один, дважды два — четыре, трижды три — девять, семью восемь — пятьдесят шесть...»

«...Может, всё-таки еще немного посидеть в телефоне?»

Рука Фу Лина осторожно потянулась к подушке, но в этот момент её накрыла чужая ладонь. Он вздрогнул. Над ним нависла тень.

Он затаил дыхание и поплотнее закутался в одеяло.

— Нид?

Тот лишь тихо угукнул и включил телефон. Прекрасный заморский гость сглотнул слюну. Вид у него был несчастный.

— Есть хочу... Я так проголодался...

— Что «есть»?! — Фу Лин чуть не умер со страху от его интонации.

Бессонная ночь наполнилась ароматом лапши быстрого приготовления, который мгновенно развеял последние остатки романтики.

— Может, ты просто откусишь от меня кусок и успокоишься?

Он с холодным безразличием наблюдал, как этот проглот уминает целую семейную упаковку лапши. Все пять пачек!!!

Покончив с едой, Ниденага привычно почистил зубы, умылся и открыл окно. Он замер на балконе. Его золотистые глаза то и дело меняли форму — от человеческого зрачка до вертикального звериного.

Он принялся. Его взгляд впился в темноту. В воздухе разливалось странное напряжение.

Это был аромат дриады, пробуждающий страсть. В густом запахе перезревших плодов чувствовалась едва уловимая нотка крови.

В университетском парке зацвел дух дерева. Это существо заманивало добычу сладким благоуханием, туманящим разум. В моменты высшего упоения она нападала на свою жертву.

Похоже, сегодня дриада знатно попировала.

Как же это хорошо — быть сытым.

<http://bllate.org/book/15864/1437663>